# Дискуссии

## К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АБСОЛЮТИЗМА В РОССИИ

*М. П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКАЯ*

Если проследить истоки дискуссий о характере и классовой природе русского абсолютизма, то мы найдем их в спорах между либеральными историками конца XIX — начала XX в. и марксистами «первого поколения». Для них вопрос о судьбах самодержавия, составлявший тогда ось политической борьбы в стране, стоял особенно остро. Это был вопрос о революции и будущем России. Нет необходимости детально характеризовать в данной статье все точки зрения, попытаемся проследить только некоторые тенденции в литературе вопроса.

Вопрос о соотношении исторического процесса в России и странах Западной Европы был наиболее четко поставлен в это время в работах Н. П. Павлова-Сильванского. Как известно, он находил значительное сходство между политическими и правовыми институтами России и Европы. Не видя существенных отличий между абсолютизмом во Франции, германских государствах и России, Н. П. Павлов-Сильванский датировал процесс формирования неограниченных монархий в Европе очень суммарно: «реформаторская и полицейская деятельность государства особенно развивается в Германии и Франции... в XVII и XVIII веках, когда, после упадка генеральных штатов и ландтагов, монархия, опирающаяся на регулярное постоянное войско, становится абсолютной. У нас она с полной силой тоже развивалась позднее в преобразовательной деятельности Петра I и Екатерины II, но она появляется уже в XVII веке» [1].

Г. В. Плеханов в «Истории русской общественной мысли» подверг критике Н. П. Павлова-Сильванского за одностороннее акцентирование внимания исключительно на сходстве институтов. «...Отрицательное и, в общем, очень удовлетворительное у Павлова-Сильванского решение старого вопроса о полном своеобразии русского исторического процесса не исключает вопроса о его относительном своеобразии» [2]. Одной из важнейших особенностей истории России Г. В. Плеханов считал существование государственной власти, организованной по типу восточного деспотизма, экономической базой которого было господство натурального хозяйства, общинная организация деревни и государственная собственность на землю [3]. Исходя из этой точки зрения, Г. В. Плеханов отрицал тот факт, что реформы Петра I привели к перелому в характере государственной власти [4]. Изменение ее характера связывалось в работах Г. В. Плеханова с развитием капиталистических отношений в пореформенной России [5].

В полемике между Г. В. Плехановым и Н. П. Павловым-Сильванским М. Н. Покровский поддержал второго. В предисловии к его книге Покровский писал, что представление о глубоком своеобразии русского исторического процесса «мешало рассмат-

---

[1] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси, Пгр., 1924, стр. 152—153.

[2] Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, М.— Л., 1925, кн. 1, стр. 11.

[3] Там же, стр. 72, 76—77.

[4] Там же, кн. 2, стр. 37, 53.

[5] В работах «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» Г. В. Плеханов характеризует самодержавие конца XIX в. уже как абсолютную монархию.

ривать Россию как одну из европейских стран, развивавшихся по одному типу с остальными. Во всех случаях при царизме это ставило вопрос над нашим будущим. Если мы раньше развивались «своеобразно», кто порукой, что это «своеобразие» не сохранится и в будущем? Что Россия навсегда останется страной крепостнического самодержавия?» [6]. Ответ на этот вопрос был для М. Н. Покровского само собой разумеющимся: «раз экономический процесс в России шел по тем же ступеням, как и на Западе, политическая история должна была представлять те же сходства. Россия пятьсот лет тому назад политически шла одним путем с Западной Европой...» [7]. В пылу полемики М. Н. Покровский принимал тезис об идентичности экономического развития Европы и России в период феодализма за бесспорный и делал из этого вывод о полном единстве исторического процесса.

Рассматривая вопрос о социальной природе абсолютных монархий, М. Н. Покровский в 20-х годах считал абсолютизм формой государственного устройства, возникающей на базе торгового капитализма. В связи с этим он был распространен в патриархальной форме в эллинистических государствах, Риме и Китае [8]. В России период патриархального абсолютизма падал, по мнению М. Н. Покровского, на правление Ивана Грозного и его преемников вплоть до Петра. Новый расцвет абсолютизм переживает в период первоначального накопления капитала, когда возникают бюрократические монархии. В России переход к этой более высокой форме государственности М. Н. Покровский связывал с деятельностью первых Романовых, которых он рассматривал в качестве первых купцов страны, подбиравших и министров себе из той же среды (К. Минин) [9].

В 1930 г. под влиянием дискуссий в ИКП М. Н. Покровский уточнил свою точку зрения: «Видоизменением феодального хозяйства под влиянием товарного хозяйства и был абсолютизм, говоря точнее, бюрократическая монархия», которой были присущи три основных признака: наличность бюрократии, постоянной армии и системы денежных налогов. «Ведущим является наличие бюрократии, которая и есть то, что вносит новые черты в феодальную физиономию самодержавия, и это потому, что бюрократия как со своей социальной базой связана не с феодальным натуральным хозяйством, а с товарным хозяйством и нарождающейся буржуазией» [10].

Другую точку зрения на классовую природу абсолютизма высказал М. Ольминский (Александров). Связывая переход от феодальной монархии к абсолютизму, как и М. Н. Покровский, с развитием товарных отношений, он приходил, однако, к другим выводам. «Организация господствующего класса по типу абсолютной монархии развилась в России как раз в период наиболее резкой ломки старого хозяйства, в период перехода страны из натурального хозяйства в денежное. Такая ломка ведет к быстрому подъему благосостояния имущих классов, к усиленному угнетению и обездолению классов трудящихся, к обострению противоречия классовых интересов. Понятно, что вся история России XVII—XVIII веков переполнена волнениями и протестами рабочих и крестьян, до пугачевщины включительно. Имущему классу при этих условиях необходимо организоваться по типу, наиболее приспособленному к быстрому и беспощадному усмирению протестантов. И первым условием такого типа организации было устранение по возможности всяких трений внутри господствующего класса, всякого разделения этого класса на привилегированную и непривилегированную часть» [11]. Таким образом, М. Ольминский сводил абсолютизм «*непосредственно* к «чистому» господству верхних классов» [12]. Дворянство организовалось «по иерархическому или, если угодно, бюрократическому типу. Никакой бюрократии вне поместного дворянства

---

[6] М. Н. Покровский. Предисловие к книге Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в древней Руси», Пгр., 1924, стр. 4.

[7] Там же, стр. 4—5.

[8] М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, ч. 2, Пгр., 1923. стр. 108—109. Покровский употребляет понятия «патриархальный абсолютизм» и «патриархальный деспотизм» как синонимы.

[9] М. Н. Покровский. Абсолютизм. БСЭ, 1-е изд., т. I, М., 1926, стр. 87—89.

[10] Его же. Избранные произведения, кн. 3, М., 1967, стр. 570—572.

[11] М. Ольминский. Государство, бюрократия и абсолютизм в России, М.— Л., 1925, стр. 114—115.

[12] В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 32.

не существовало; не существовало также и землевладельческого класса вне бюрократии»[13]. Как известно, Ольминский подвергся критике со стороны В. И. Ленина за недооценку самостоятельной политической силы самодержавия.

Третью точку зрения на природу абсолютизма выдвинул полемизировавший с Ольминским В. В. Воровский. Социальные условия формирования неограниченной монархии он характеризовал следующим образом: «русское самодержавное государство было дворянское государство. Оно держалось сочувствием дворянской массы и на доверии темной массы крестьянства. Но выросло и сложилось оно путем упорной борьбы с олигархами. Если бы крупное землевладение победило в этой борьбе, судьбы русской истории были бы, вероятно, схожи с судьбами польской, где восторжествовала олигархия»[14].

Таким образом, до начала 30-х годов проблема абсолютизма в России ставилась в двух аспектах: историко-философском (в связи с особенностями русского исторического процесса) и социальном (абсолютизм оказывался производным от борьбы между: а) дворянством и народными массами, б) дворянством и боярской олигархией и в) дворянством и нарождающейся буржуазией, чьи интересы защищала бюрократия). Полемика этого времени носила политически острый характер, однако, страдала терминологической нечеткостью и некоторой непоследовательностью. Отметим также, что ни один из перечисленных исследователей не ссылался на ныне широко известные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о кажущейся надклассовости абсолютизма как явления, возникшего на основе соперничества между дворянством и бюргерством. Это положение или не было известно, или его не считали возможным применять к условиям России.

В ходе обсуждения взглядов М. Н. Покровского академиком С. Д. Сказкиным была написана статья «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме», оказавшая очень большое воздействие на последующую литературу вопроса[15]. Она-то и привлекла внимание широких кругов исторической общественности к высказанному в работах классиков марксизма-ленинизма положению о равновесии между борющейся буржуазией и земельным дворянством как о социальной обстановке, в которой возникает кажущаяся независимость — абсолютность — власти европейских монархов. Проинтерпретировав это положение со свойственной ему глубиной и эрудицией, С. Д. Сказкин нигде ни одним словом не обмолвился о возможности распространения этого тезиса на историю остэльбских стран и, в частности, на Россию. Однако после опубликования работы С. Д. Сказкина положения К. Маркса и Ф. Энгельса были взяты на вооружение историками феодальной России.

Другая точка зрения, родившаяся тоже в дискуссиях вокруг оценки концепции Покровского,— представление о том, что решающую роль в формировании абсолютизма сыграло усиление классовой борьбы феодально-зависимого крестьянства[16],— также оказала заметное воздействие на историков, изучавших генезис русского абсолютизма.

В 40-х годах интерес к проблеме классовой сущности абсолютизма оживился в связи с выходом в свет книги Б. И. Сыромятникова, который занял «экстремистскую» позицию и пытался доказать, что реформы Петра I отражали классовые интересы буржуазии[17]. Эта точка зрения не получила поддержки в литературе и вызвала появление ряда критических статей. Все авторы в большей или меньшей степени подчеркивали дворянский характер абсолютизма. С. А. Покровский обращал внимание на борьбу посадских людей и купцов с феодалами и на то, что «эта взаимная борьба до известной степени уравновешивает их силы и дает возможность главе феодальной монархии освободиться от опеки феодальной курии... (в русских условиях — Боярской думы)». Покровительство абсолютизма буржуазии объективно имело, по мнению С. А.

---

[13] М. Ольминский. Указ. соч., стр. 106.

[14] В. В. Воровский. О природе абсолютизма. Соч., т. 1, М., 1932, стр. 199.

[15] С. Д. Сказкин. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме. «Ученые записки МГПИ», т. 3, кафедра исторического факультета, вып. I, М., 1941, стр. 3—25.

[16] Б. Ф. Поршнев. Чем было «третье сословие» во Франции XVII века? «Историк-марксист», 1940, № 2, стр. 91—113.

[17] Б. И. Сыромятников. Регулярное государство Петра I и его идеология, М., 1943.

Покровского, антифеодальные тенденции[18], самодержавие лавировало между противоречивыми интересами господствующих классов[19].

За это последнее утверждение С. А. Покровский подвергся критике со стороны А. М. Довидовича, который обвинил его в приверженности теории Сыромятникова о двуклассовой природе абсолютной монархии. А. М. Довидович справедливо критиковал С. А. Покровского за то, что тот говорил о буржуазии XVIII в. в России, как о силе, способной быть экономическим и политическим противовесом земельному дворянству. Наступление равновесия между двумя этими силами А. М. Довидович датировал серединой XIX в., несмотря на то, что признавал существование абсолютизма в России в зачаточной форме со второй половины XVII в. и в развитой — с начала XVIII в.[20]. Точка зрения А. М. Довидовича представляется нам характерной для литературы 40—50-х годов по исследуемому вопросу, поэтому полезно несколько подробнее остановиться на методических приемах автора.

А. М. Довидович формулировал, как он полагал, на основании положений классиков марксизма-ленинизма три предпосылки возникновения русского абсолютизма. Первая — «возникновение в недрах феодального общества новой буржуазной экономики, разложение старых сословий, складывание в класс буржуазии» — точно отражала мысль Маркса, высказанную в работе «Морализирующая критика и критизирующая мораль». Вторая — «рост классовых противоречий, прежде всего резкое обострение основного противоречия феодального строя — противоречия между крепостным крестьянством и феодалами крепостниками, начало борьбы нарождающейся буржуазии с феодалами, осложнение внешнеполитической обстановки»,— обосновывалась в работе Довидовича только ссылкой на тезис К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «политическая власть усиливается по мере того, как обостряются классовые противоречия внутри государства, и по мере того, как соприкасающиеся между собою государства становятся больше и населеннее»[21]. Третья предпосылка — «образование постоянной армии, создание чиновничества (бюрократии), а также определенная финансовая самостоятельность»[22] выводится из указания В. И. Ленина о том, что самодержавие есть самовластие чиновников и полиции[23]. Из этого положения следует, однако, только, что бюрократия и полиция есть атрибуты абсолютизма, но не предпосылки его генезиса. Таким образом, две последние предпосылки формирования абсолютизма сформулированы А. М. Довидовичем, строго говоря, не на основании положений классиков марксизма-ленинизма, а на основании его собственных представлений, которые он пытается подтвердить приведенными цитатами.

Когда же автор начинает отыскивать указанные им предпосылки в русской действительности XVII—XVIII вв., то положение еще более осложняется. Вместо новых буржуазных отношений мы сталкиваемся в работе А. М. Довидовича с изживанием последствий литовского разорения, восстановлением помещичьего хозяйства, ростом ремесла и торговли в городах, появлением крепостнических мануфактур. Обострение

---

[18] С. А. Покровский. К вопросу о классовой природе абсолютизма. «Известия АН СССР. Отделение экономики и права», 1946, № 4, стр. 281, 290.

[19] С. А. Покровский. «Советское государство и право», 1940, № 12, стр. 114.

[20] А. М. Довидович. Русский абсолютизм. К вопросу о времени его возникновения и классовой сущности. «Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук 1—6 июля 1946 г.», М., 1948, стр. 124. В работе А. М. Довидовича высказывается одно соображение, которое колеблет представление о том, что равновесие между дворянством и буржуазией является непременным условием возникновения абсолютизма: «...указанную характеристику западноевропейской абсолютной монархии («кажущаяся посредница») Энгельс относит только к определенному периоду ее развития — к XVII и XVIII вв. Но ведь на Западе (Франция, Англия, Испания) абсолютная монархия существовала и в XVI в. Однако Энгельс не пишет, что Тюдоры, Франциск I и другие абсолютные монархи XVI в. уравновешивали «друг против друга дворянство и буржуазию». Почему? Да потому, что то был период возникновения и первоначального развития абсолютизма на Западе, класс буржуазии был тогда слаб... Поэтому эпоху становления и первоначального развития западноевропейского абсолютизма (XVI в.) Энгельс и не относит к периодам, когда абсолютная монархия «уравновешивает друг против друга дворянство и буржуазию». (А. М. Довидович. Указ. соч., стр. 111).

[21] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 49—50.

[22] Формулировка всех предпосылок см. А. М. Довидович. Указ. соч., стр. 106.

[23] В. И. Ленин. ПСС, т. 7, стр. 137.

классовой борьбы конкретизируется в возникновении крестьянских войн, вызванных закрепощением крестьянства, постоянная армия — в полках нового строя, бюрократический аппарат — в приказах и воеводском управлении[24]. Среди этих явлений нет ничего, что мы могли бы связать с разложением феодальной формации и развитием буржуазных отношений.

Главным аргументом А. М. Довидовича, на котором он строит, по существу, всю свою схему, является широко известное и сотни раз цитировавшееся высказывание В. И. Ленина из статьи «Попятное движение в русской социал-демократии»: «Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия) есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги *без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением*»[25]. А. М. Довидович утверждает, что «для Ленина понятия: самодержавие, абсолютизм, неограниченная монархия являются синонимами»[26]. Исходя из этого, автор подставляет понятие «абсолютизм» в не менее часто цитируемый отрывок из статьи В. И. Ленина «Наши упразднители»[27] об эволюции русского самодержавия. Приняв при этом априорно, что В. И. Ленин считал XVII век начальной хронологической гранью существования русского самодержавия, А. М. Довидович превращает этот отрывок в набросок периодизации истории русского абсолютизма[28].

Зададим себе вопрос: в какой мере оправдан этот прием взаимной подмены понятий «самодержавие» и «абсолютизм»? Ленинское высказывание о самодержавии как форме правления было сформулировано в связи с критическим разбором опубликованной в газете «Рабочая мысль» передовой статьи «Русская действительность». Ее автор толковал стремление социал-демократии к свержению самодержавия как намерение захватить власть в стране. Опровергая это толкование, В. И. Ленин ссылался на имевшие для социал-демократов программное значение работы Г. В. Плеханова «Наши разногласия» и «Социализм и политическая борьба», в которых формулировалась задача свержения абсолютизма. Для того чтобы уточнить, что у него и у Г. В. Плеханова речь идет об одном и том же, В. И. Ленин поставил рядом с определяемым понятием другое название того же понятия, употребляемое Плехановым. И Г. В. Плеханов и В. И. Ленин имели в виду конкретную политическую борьбу в России на рубеже XX в. и пользовались термином «абсолютизм» отнюдь не для научного обозначения западноевропейской формы государственности периода разложения феодализма, а для того, чтобы подчеркнуть неограниченный характер власти самодержавия, свержение которого было первой задачей русского рабочего класса. Из того, что В. И. Ленин ставил знак равенства между русским самодержавием конца XIX в. и абсолютизмом, еще вовсе не следует, что такой же точки зрения он придерживался и относительно XVII в. Поэтому прием подстановки понятий, которым воспользовался А. М. Довидович, кажется нам для XVII в. неправомерным. Равным образом, как совершенно справедливо заметили Н. М. Дружинин и А. Я. Аврех, совершенно безосновательным является приписывание В. И. Ленину той точки зрения, что самодержавие возникло в XVII в.[29]. Таким образом, как нам кажется, точка зрения А. М. Довидовича оказывается недостаточно хорошо аргументированной.

---

[24] А. М. Довидович. Указ. соч., стр. 106—108.
[25] В. И. Ленин. ПСС, т. 4, стр. 251—252.
[26] А. М. Довидович. Указ. соч., стр. 109.
[27] В. И. Ленин. ПСС, т. 20, стр. 121.
[28] Описываемый прием подмены понятий встречается не только в работе А. М. Довидовича. Для примера можно сослаться на работу А. А. Зимина «О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма»: «В. И. Ленин, говоря об эволюции русского самодержавия (абсолютной монархии) в сторону буржуазной монархии, начинал этот процесс с XVII века, подчеркивая особенности русского государственного строя XVIII века и характеризуя политический строй России предшествующего столетия как „русское самодержавие XVII века с Боярской думой и боярской аристократией“» («Абсолютизм в России», М., 1964, стр. 18).
[29] Н. М. Дружинин. О периодизации истории капиталистических отношений в России. «Вопросы истории», 1951, № 1, стр. 68—69; А. Я. Аврех. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России. «История СССР», 1968, № 2, стр. 89.

В большинстве работ, вышедших в свет в 50-х — начале 60-х гг., в которых в той или иной степени затрагивался вопрос о русском абсолютизме, мы наблюдаем черты, отмеченные в работе А. М. Довидовича. Авторы исходят, по выражению А. Я. Авреха, из «генеральной идеи» о равновесии, как социальной атмосфере возникновения абсолютизма, а на практике подменяют ее данными о развитии товарного производства в недрах феодализма и обострении классовой борьбы. К этому неизбежно приводит попытка распространить, исходя из представления о полном единстве и однолинейности исторического развития, вывод, сделанный К. Марксом и Ф. Энгельсом по отношению к ряду европейских государств, на Россию. Критический разбор исследований этого направления хорошо дан в статьях А. Я. Авреха и А. Н. Чистозвонова [30].

Внутренняя противоречивость этой точки зрения приводит к тому, что отдельные исследователи пытаются по-иному поставить вопрос о социальных предпосылках абсолютизма. Н. И. Павленко (в устных выступлениях) развивает высказанную ранее В. В. Воровским мысль о том, что абсолютизм явился результатом равновесия сил между дворянством и боярством. Приблизительно такой же точки зрения придерживался и венгерский историк-марксист Э. Мольнар [31]. Борьбу с феодальной аристократией и анархией он считал чертой, роднящей генезис всех абсолютных монархий.

Еще одной попыткой выйти из затруднительного положения представляется нам работа А. Я. Авреха. Он отказывается признать существование равновесия между дворянством и буржуазией в России раньше середины XIX в., хотя и полагает, что абсолютизм в России сформировался в начале XVIII в. Тем самым молчаливо предполагается, что тезис о равновесии справедлив только для стран Западной Европы. Чтобы избежать при этом напрашивающегося вывода об особенностях исторического развития России, А. Я. Аврех восстанавливает поколебленное единство процессов, утверждая, что абсолютизм всюду является детищем предбуржуазного периода, когда возникли торговые связи в национальном масштабе. Такая постановка вопроса, генетически довольно отдаленно, но все же связанная с точкой зрения М. Н. Покровского, сразу вызывает ряд вопросов. Если возможность появления капиталистического уклада выступает, по выражению А. Я. Авреха, в роли категорического императива по отношению к абсолютизму, являющемуся политическим выражением образования национального единства, то как быть, например, с Голландией, в которой национально-буржуазные связи возникли рано, а абсолютная монархия не сформировалась совсем?

По мнению А. Я. Авреха, из «общего корня национально-буржуазных связей вырастает и абсолютизм и капитализм. Но тут вся специфика состоит в том, что это далеко не всегда одновременный процесс. Одновременным он был во Франции, разновременным в России» [32]. Разница, следовательно, только в темпах развития. Но как бы различны эти темпы ни были, равновесие между земельным дворянством и бюргерством не могло и во Франции возникнуть, как deus ex machina. Очевидно, что и классическая страна абсолютизма прошла прежде, чем равенство наступило, стадию формирования национально-буржуазных связей. Почему же в одном случае императивность проявилась, а в другом нет?

Точка зрения А. Я. Авреха особенно интересна тем, что, отказываясь признать равновесие между бюргерскими элементами и дворянством критерием, отличающим монархию XVIII в. от государственной власти более раннего времени, А. Я. Аврех не останавливается на этом, а выдвигает собственный критерий. «Какие основные черты отделяют абсолютистское государство, скажем, от феодального государства периода московских царей? Главное отличие состоит в том, что оно перестает быть деспотией, вернее, только деспотией. Под последней мы разумеем форму неограниченной самодержав-

---

[30] А. Я. Аврех. Указ. соч., стр. 84—88; А. Н. Чистозвонов. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма». «Вопросы истории», 1968, № 5, стр. 54.

[31] E. Molnar. Les fondaments économiques et sociaux de l'absolutisme. Comité international des sciences historiques. XII[e] Congrès International des sciences historiques, Vienne, 29, août — 5 septembre 1965. Rapports. IV Metodologie et histoire contemporaine, Wien, 1965, p. 165.

[32] А. Я. Аврех. Указ. соч., стр. 92. А. Я. Аврех выдвигает тезис о том, что выразителем интересов русской буржуазии до ее оформления в класс была бюрократия. Не имея возможности рассмотреть в пределах данной статьи аргументацию А. Я. Авреха, автор надеется еще вернуться к обсуждению этого вопроса.

ной власти, когда воля деспота является единственным законом, режим личного произвола, не считающийся с законностью и законами, обычными и фиксированными. Абсолютизм сознательно выступает против такого порядка вещей»[33]. Итак, в отличие от историков-марксистов «первого поколения», А. Я. Аврех рассматривает абсолютизм не как синоним деспотизма и произвола, а как форму более или менее правового государства. Эта точка зрения является новой в советской литературе, но широко распространена в зарубежной и отражает взгляд на отличие монархии от деспотизма, ведущий свое начало от Бодена и Монтескье[34].

Считая эту точку зрения А. Я. Авреха перспективной, нам бы хотелось обратить внимание на некоторое противоречие, содержащееся в ней. А. Я. Аврех признает, что до начала XVIII в. самодержавие было «только деспотизмом». При этом он полагает, что «Плеханов, поставивший знак равенства между царизмом и восточным деспотизмом, был, конечно, неправ»[35]. Допустим, что это так. Но Г. В. Плеханов, опираясь частично на К. Маркса и Ф. Энгельса, аргументировал свою точку зрения особенностями аграрного строя России: наличием общины, натуральностью хозяйства, колонизацией, особым характером русского дворянского класса. У А. Я. Авреха деспотизм представляет собой просто режим голого насилия, относительно социально-экономической базы которого мы ничего не знаем.

И, наконец, последнее возражение. А. Я. Аврех утверждает, что «абсолютизм отнял власть у дворянства, а последнее вынуждено было отдать ему свою власть»[36]. Мы полностью разделяем оценку «Жалованной грамоты дворянству» и «Учреждения о губерниях», содержащуюся в статье А. Я. Авреха: сословные организации второй половины XVIII в. были «деполитизированы» и поставлены на службу самодержавию. Поэтому применение термина «диктатура дворянства» по отношению к этому периоду (особенно часто говорят о такой диктатуре применительно ко времени реакции, наступившей вслед за подавлением Крестьянской войны 1773—1775 гг.) не оправдано и приводит к смешению различных государственных форм господства дворянства: например, существовавших в Польше и России. Но для того, чтобы точка зрения А. Я. Авреха об отнятии в XVIII в. власти у дворянства могла быть признана справедливой, необходимо доказать, что ранее дворянство этой властью обладало. А при той неоформленности сословного строя, которая была свойственна России XVI и XVII вв., в отличие от более развитых стран Западной Европы, вероятность, что этот тезис может быть доказан, очень невелика.

Среди вышедших недавно исследований следует особо выделить работу А. Н. Чистозвонова «Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма», стоящую особняком в литературе вопроса. Статья А. Н. Чистозвонова носит сравнительно-исторический характер, и не история России стоит в центре внимания автора. Тем не менее его точка зрения представляет значительный интерес для историков СССР. Анализируя высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса об особенностях абсолютных монархий в различных странах Европы, А. Н. Чистозвонов обращает особое внимание на то, что Маркс писал об Испании как об азиатской монархии. В связи с этим в статье поставлен вопрос о существовании особого испано-русского варианта абсолютизма (автор находит много общего между развитием государственных институтов этих стран). Тем самым в исследовании проблемы генезиса русского абсолютизма вновь находит применение сравнительный метод, а вместе с ним снова встает историко-философский вопрос не только об общем, но и об особенном в развитии русской государственности. В связи с этим нам кажется настоятельно необходимым вернуться к анализу взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина на особенности государственного строя России дореформенного периода.

Прежде всего хотелось бы поставить вопрос о том, распространяли ли К. Маркс и Ф. Энгельс понятие «абсолютизм» (или «старые абсолютные монархии») на Россию

[33] А. Я. Аврех. Указ. соч., стр. 92.

[34] В литературе последних лет эту точку зрения более всего разрабатывали: F. Hartung, R. Mousnier. Quelques problems, consernant la monarchie absolu. In: X Congresso international di szienze storiche. Relazioni, vol. IV. Storia moderna, Firenze, 1955; K. Raumer, von. Absoluter Staat, korporative Libertat, persönliche Freiheit. «Historische Zeitschrift», 1957, vol. 183, S. 55—96.

[35] А. Я. Аврех. Указ. соч., стр. 104.

[36] Там же, стр. 99.

XVII—XVIII вв.? Единственное высказывание, которое может быть косвенно истолковано положительно, содержится в статье Ф. Энгельса «О разложении феодализма и возникновении национальных государств». В заключительной части работы речь идет об успехах централизации европейских государств в конце XV в. Энгельс перечисляет монархии Изабеллы Кастильской, Фердинанда Арагонского, Людвика XI, первых Тюдоров и в конце пишет: «И даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III»[37]. Учитывая, что Людовика XI Ф. Энгельс назвал основателем абсолютной монархии во Франции, что таковыми же почитаются Тюдоры в Англии, можно было бы, казалось, говорить о том, что Ф. Энгельс видел в Русском централизованном государстве конца XV в. аналогию западноевропейским абсолютным монархиям.

Однако против такого толкования говорит весь контекст статьи. Энгельс прекрасно понимал разнородность основ, на которых происходило формирование централизованных монархий в разных странах. «Повсюду в Европе, вплоть до отдаленных окраин, которые не прошли еще до конца через феодальный строй (подчеркнуто мной.— *М. П.*), повсюду королевская власть восторжествовала одновременно»[38]. Судя по тому, что Россия поставлена в самом конце перечня европейских государств и Ф. Энгельс, говоря о ней, употребляет выражение «и даже Россия», централизованное государство Ивана III и должно быть отнесено к разряду тех государств, где объединение совершилось прежде, чем феодальная формация начинает разлагаться.

Термин «абсолютная монархия» был введен в употребление не Марксом и Энгельсом, а буржуазными историками (Мишле, Тьерри и др.) для обозначения власти монархов, освободившихся от участия сословно-представительных учреждений в управлении страной или сделавших их послушными орудиями в своих руках. Правомерность выделения такого этапа в истории государственности Западной Европы не вызывала у Маркса и Энгельса возражений. Они объяснили с позиций исторического материализма, какое соотношение общественных сил порождает абсолютизацию власти, но при этом не отрицали правомерности и юридического подхода к оценке государственного строя европейских стран. Это особенно хорошо видно на примере характеристики, данной К. Марксом Испании XVII—XVIII вв.: «Абсолютная монархия не только нашла в Испании материал, по самой своей природе не поддающийся централизации, но она сделала все от нее зависящее, чтобы не допустить возникновения общих интересов, обусловленных разделением труда в национальном масштабе и многообразием внутреннего обмена, которые и являются единственно возможной основой для установления единообразной системы управления и общего законодательства. Таким образом, абсолютная монархия в Испании, имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы вообще, должна скорее быть отнесена к азиатским формам правления»[39]. Ф. Энгельс подчеркивает существенные отличия испанского абсолютизма, но в силу чисто внешнего сходства явлений, состоящего в неограниченном характере королевской власти, все-таки называет государственный строй Испании абсолютной монархией. В таком контексте понятие «абсолютная монархия» имеет широкое, формально-юридическое значение, объединяющее в себе, с точки зрения Энгельса, по меньшей мере, две разновидности: абсолютные монархии Европы и «азиатские формы правления».

По-видимому, именно по принципу формально-юридического сходства и оказались в статье «О разложении феодализма и возникновении национальных государств» поставленными в один ряд Иван III и Людовик XI. Если подходить к оценке государственного строя Франции и России XV—XVI вв. с юридическими критериями, то обе монархии должны быть признаны неограниченными, несмотря на то, что Генеральные штаты уже почти перестали в это время собираться, а до созыва первых земских соборов должно было пройти еще почти целое столетие. Кроме этого, мы вряд ли найдем много общего между государственным строем названных стран.

---

[37] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 416.
[38] Там же, стр. 415.
[39] Там же, т. 10, стр. 432.

Л. В. Черепнин в книге «Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках» подробно анализирует, как Ф. Энгельс оценивает предпосылки государственной централизации в странах Европы XV в. При этом он выделяет все те места из статьи «О разложении феодализма и возникновении национальных государств», где подчеркивается ограниченный характер успехов производства и обмена, феодальный характер ремесла, существование натурального хозяйства в деревне и т. д. Это позволяет Л. В. Черепнину сделать вывод о том, что национальные государства Европы сформировались на феодальной основе[40]. Автор многократно оговаривается, что в Европе этого периода феодальные отношения уже разлагались, что русские города были много слабее европейских и т. д. И все-таки вывод о феодальной основе процесса централизации позволяет Л. В. Черепнину рассматривать русское централизованное государство в качестве государственного объединения того же типа, что и европейские национальные государства, но находящегося в зародыше и впоследствии эволюционирующего в сторону абсолютизма европейского типа.

Не оспаривая вывода Л. В. Черепнина о том, что централизованные монархии Европы складывались на феодальной базе (действительно, Ф. Энгельс относит формирование национальных государств в Европе к концу XV в., а возникновение равновесия между бюргерством и земельным дворянством только к XVII—XVIII вв.), хотелось бы подчеркнуть, что Ф. Энгельс писал не просто о том, что успехи производства и обмена имели очень ограниченный характер, как излагает его мысль Л. В. Черепнин. Энгельс отмечает, что «все эти успехи производства и обмена имели, правда, по т е п е р е ш н и м п о н я т и я м (подчеркнуто мной.— *М. П.*) очень ограниченный характер»[41]. Весь смысл дальнейшего изложения состоит в том, чтобы объяснить, каким образом на основе этих ограниченных, с точки зрения человека второй половины XIX в., достижений бюргерским элементам общества удалось совершить переворот в феодальном обществе. Для XV же столетия Энгельс полагал наметившиеся сдвиги столь значительными, что резюмировал их следующим образом: «В XV веке во всей Западной Европе феодальная система находилась, таким образом, в полном упадке; повсюду в феодальные области вклинивались города с антифеодальными интересами, с собственным правом и с вооруженным бюргерством. Повсюду они уже отчасти поставили феодалов с помощью денег в зависимость от себя в общественном порядке, а кое-где даже и в политическом отношении; даже в деревне, там где в силу особо благоприятных условий земледелие достигло более высокого уровня, старые феодальные связи стали ослабевать под воздействием денег». В этот период «городские бюргеры стали уже более необходимы обществу, чем феодальное дворянство», «надо было сделать последний шаг, чтобы показать феодальному дворянству, что наступил конец периоду его господства в обществе и государстве, что в нем не нуждаются больше даже и на поле битвы в качестве рыцарей». Энгельс отмечает, что развилась в некотором роде мировая торговля, специально останавливается на жажде золота, которая гнала европейских мореплавателей к великим географическим открытиям. И, наконец, он прямо указывает на постепенное исчезновение крепостничества в Англии и на то, что «были уже целые области, где, как, например, в Голландии, Бельгии, на Нижнем Рейне, крестьяне вместо барщины и оброка натурой платили господам деньги, где господа и подданные сделали уже первый решительный шаг к превращению в землевладельцев и в арендаторов». Общественные отношения эволюционировали от классического феодализма к капитализму в такой степени, что в силу вошло римское право, которое «по характеру своему было в сущности антифеодальным и в известном отношении буржуазным»[42]. Между всеми этими явлениями и тем, что наблюдалось в России, которой предстояло еще пройти через господство крепостничества, дистанция огромного размера. Ссылаются на то, что Москва XVI в. была в два раза больше Праги и Флоренции. Зрительным воплощением дистанции, существовавшей между уровнем экономического развития европейских государств и России этого периода, может служить сопоставление Антверпенской биржи с торговыми рядами Москвы и Новгорода.

---

[40] Л. В. Черепнин. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 83—84.
[41] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 407.
[42] Там же, стр. 406, 407, 408, 409, 412, 413.

Это различие заставляет нас усомниться, правомерно ли сближать формы государственности, возникшие в России в период образования централизованного государства, с национальными государствами Англии и Франции и видеть разницу между ними только в темпах, с которыми они эволюционируют в сторону абсолютизма. Не сталкиваемся ли мы здесь с монархией, которая имеет такое же исключительно внешнее сходство с централизованными государствами Европы, как испанский абсолютизм с французским? Тем более, что русское централизованное государство эволюционировало к таким формам абсолютной власти, которые принципиально отличаются от классического абсолютизма.

Для К. Маркса и Ф. Энгельса существо такого явления, как «старые абсолютные монархии XVII—XVIII вв.» состояло не в самом факте относительной самостоятельности власти, которая может возникать в различные исторические эпохи, а в борьбе между дворянством и бюргерством, превращающимся в класс буржуазии, борьбе, возникающей в переходную от феодализма к капитализму эпоху. О том, что именно этому моменту перехода от одной формации к другой Ф. Энгельс придавал решающее значение, свидетельствует его письмо к Э. Бернштейну от 27 августа 1883 г.: «В классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией бонапартистская монархия... играет приблизительно такую же роль, какую играла старая абсолютная монархия в борьбе между феодализмом и буржуазией. Но точно так же, как эта борьба не могла быть доведена до конца в старой абсолютной монархии, а только в конституционной монархии (Англия, Франция 1789—1792 и 1815—1830), так и борьба буржуазии с пролетариатом может быть доведена до конца только в республике»[43]. При таком подходе к проблеме абсолютизма нас не должно удивлять, что ни Маркс, ни Энгельс не употребляли термина «абсолютная монархия» по отношению к России XVII—XVIII вв. и стали употреблять его по отношению к царизму времен Крымской войны[44].

Когда же мы обращаемся к оценкам, данным К. Марксом и Ф. Энгельсом государственным институтам России более раннего времени, то постоянно сталкиваемся не с понятием «абсолютизм», а с понятием «деспотизм». Даже для 80—90-х годов XIX в. Энгельс считает возможным применение этого термина. В письме к В. Засулич от 23 апреля 1885 г. читаем: «Там, где положение так напряжено, где в такой степени накопились революционные элементы, где экономическое положение огромной массы народа становится изо дня в день все более нестерпимым, где представлены все ступени общественного развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовыми воротилами, и где все эти противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, не имеющим себе равного, деспотизмом все более невыносимым для молодежи, воплощающей в себе разум и достоинство нации,— стоит только в такой стране начаться 1789 году, как за ним не замедлит последовать 1793 год». Аналогичную мысль высказывал Ф. Энгельс и десять лет спустя, 12 марта 1895 г., в письме к Г. В. Плеханову: «Впрочем в такой стране, как ваша, где современная промышленность привита к первобытной крестьянской общине и где одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации, в стране, к тому же окруженной прочной интеллектуальной китайской стеной, возведенной деспотизмом, не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей»[45].

Вполне законно поставить вопрос: что понимает Энгельс под деспотизмом: произвол, царивший в самодержавной России даже и тогда, когда развитие капитализма сделало значительные успехи, или нечто другое — наследие более ранних форм государственности? Одновременно с этим зададим себе и другой вопрос: что Энгельс понимал под «азиатскими формами правления» и почему по отношению к России Ф. Энгельс говорил о «полуазиатских общественных условиях, обычаях, традициях и учреждениях»[46] и т. д.? О том, что под деспотизмом К. Маркс и Ф. Энгельс понимали не просто произвол правителей, а систему государственности, свойственную странам Востока и имевшую под собой определенную социально-экономическую основу, свидетельствует

---

[43] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, М., 1948, стр. 369.
[44] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 15, 36.
[45] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 389, 481.
[46] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 21.

предельно ясное утверждение Ф. Энгельса, сделанное в книге «Анти-Дюринг» и имеющееся в несколько измененном виде и в других его работах: «Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России» [47].

Вопрос о социальной природе азиатского деспотизма и застойном характере истории восточных обществ, как известно, служил предметом пристального внимания Маркса и Энгельса в 1853—1856 гг. 2 июня 1853 г. Энгельс, читавший книгу Ф. Бернье, пишет Энгельсу: «Бернье совершенно правильно разглядел, что в основе всех восточных порядков (он имеет в виду Турцию, Персию, Индостан) лежит *отсутствие частной собственности на землю.* Вот настоящий ключ даже к восточному небу». 6 июня Ф. Энгельс отвечает К. Марксу: «Отсутствие земельной собственности действительно является ключом к пониманию всего Востока. В этом основа всей политической и религиозной истории. Но почему восточные народы не пришли к собственности на землю, даже к феодальной собственности? Мне кажется, что это объясняется главным образом климатом и характером почвы... Первое условие земледелия здесь — искусственное орошение...» [48]. Спустя неделю Маркс снова обращается к Энгельсу со своими соображениями по тому же самому вопросу: «Что касается *вопроса о собственности*, то среди английских писателей, занимающихся Индией, в этом пункте — серьезное *разногласие.* В разобщенных горных местностях к югу от Кришны собственность на землю, по-видимому, существует». Маркс полностью соглашается с мнением Энгельса относительно роли орошения и обращает внимание на еще один важнейших фактор — общины, «которые заботятся лишь о том, чтобы сохранить *границы своей общины* от соседней общины... Мне кажется, что трудно придумать более солидную основу для азиатского деспотизма и застоя» [49]. Таким образом, факт отсутствия земельной собственности в азиатских странах перестает казаться Марксу обязательным и повсеместным, и на первый план выступает необходимость поддержания плодородия почвы путем искусственного орошения и существование общинного строя с его замкнутостью и натуральным хозяйством. Именно на общинный строй России и ссылается Энгельс в цитированных выше письмах В. Засулич, Г. В. Плеханову и в «Анти-Дюринге».

Поэтому, как нам кажется, Г. В. Плеханов, который писал о восточном деспотизме в России, не был так уж неправ, как категорически утверждает А. Я. Аврех. В той части своих работ, где Плеханов ссылается на общину, как на фактор, определивший особенности государственого строя России, он непосредственно передает точку зрения К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако в дискуссии по аграрному вопросу он говорит уже не об общине, как основе деспотизма, а о «своеобразной национализации земли». Плеханов прибегает, видимо, к этому аргументу потому, что ему был отлично виден все более ускорявшийся процесс разложения общины. Между тем, как мы уже указывали выше, Маркс сам усомнился в том, что решающим фактором возникновения деспотизма является государственная собственность на землю. Какую-то роль этот фактор несомненно играл. Очевидно, задачей историков СССР должно быть выяснение того, каким образом это обстоятельство отразилось на политическом строе страны. Пока же мы можем только сказать, что именно в этом пункте начинались расхождения между точкой зрения Маркса, Энгельса и Плеханова. Только в этом, а не в том, что касалось самого факта существования в России полуазиатской формы государственной власти — деспотизма.

В. И. Ленин тоже довольно определенно высказывался на этот счет. В статье «Революция типа 1789 или типа 1848 года?», название которой позволяет видеть в ней своеобразную перекличку с письмом Энгельса к Засулич, В. И. Ленин писал: «У нас перелом *круче*, у нас между самодержавием и политической свободой не было и нет *никаких* промежуточных ступеней (земство не в счет), у нас деспотизм азиатски девственен» [50]. В этом же смысле В. И. Ленин называет самодержавие «азиатски диким» [51], «пропитанным азиатским варварством» [52].

---

[47] Там же, т. 20, стр. 186.
[48] К. Маркс и Ф. Энгельс. О религии, М., 1955, стр. 95, 96.
[49] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 78—79.
[50] В. И. Ленин. ПСС, т. 9, стр. 381.
[51] Там же, т. 12, стр. 10.
[52] Там же, т. 20, стр. 387.

Параллельно с этим В. И. Ленин постоянно называет государственный строй России абсолютизмом. Смысл, который он вкладывал в статьях 1896—1902 гг. в этот термин, яснее всего, пожалуй, виден из следующего отрывка статьи «Проект и объяснение программы социал-демократической партии»: «Так как эта неограниченная власть есть главное препятствие в борьбе рабочих за свое освобождение, то отсюда само собою следует, что прямой интерес рабочих требует поддержки всякого общественного движения против абсолютизма (абсолютный — значит неограниченный; абсолютизм — неограниченная власть правительства)» [53]. В аналогичном юридическом значении неограниченной монархии В. И. Ленин употребляет этот термин и в работах «Задачи русских социал-демократов», «Проект программы нашей партии», «Гонители земства и аннибалы либерализма», «Что делать?» [54].

Позже, в период столыпинской реформы и созыва дум, В. И. Ленин сосредоточил внимание на определении классовой природы абсолютизма, подчеркивая его бонапартизм, эквилибрирование между земельным дворянством, буржуазией и рабочим классом, уступки буржуазии в виде конституционного представительства, даже незначительные уступки рабочим с тем, чтобы они примирились с абсолютизмом [55]. В результате В. И. Лениным была нарисована картина, которую можно было бы резюмировать кратким, но очень емким выражением, употребленным Ф. Энгельсом по отношению к Германии конца 80-х годов XIX в.,— «мешанина полуфеодализма и бонапартизма» [56]. В таком контексте замечания В. И. Ленина об азиатски девственном деспотизме должны рассматриваться скорее всего как указания на чрезвычайную живучесть пережитков прошлого в системе государственной власти России.

Любопытно проанализировать, какие особенности утрачивало самодержавие в России в ходе эволюции от присущих ему традиционных форм к бонапартизму. Читаем у В. И. Ленина: 1) «Бонапартизм есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную опору»; 2) «Аграрный бонапартизм Столыпина... не мог бы даже родиться, не то что продержаться вот уже два года, если бы сама община в России не развивалась капиталистически, если бы внутри общины не складывалось постоянно элементов, с которыми самодержавие могло начать заигрывать...» [57]; 3) царизм «потерял всякую веру в наивную преданность крестьянской массы монархии. Он ищет союза с богатыми крестьянами, отдавая им деревню на разграбление. Самодержавие делает судорожные усилия, чтобы поскорее сломать все общинно-надельное землевладение и укрепить исключительно частную поземельную собственность» [58]. Из этих положений, которые многократно в различных вариантах повторяются в других работах В. И. Ленина, явствует, что опорой традиционного абсолютизма, «азиатски девственного деспотизма» в России В. И. Ленин также, как и К. Маркс и Ф. Энгельс, считал патриархальную деревню с ее общинной организацией.

Действительно, особенности той формы неограниченной монархии, которая сложилась в России, надо искать, видимо, в аграрном строе страны. Конечно, и в уровне развития городов Европы и России XV—XVI вв. существует серьезное различие. Однако все же развитие русского города при всей его замедленности на протяжении XVI—XVIII вв. ведет к постепенному стиранию его отличий от западноевропейского. Что же касается аграрного строя, то он не только не уподобляется западноевропейскому, но различия между путями развития сельского хозяйства и земельной собственности России и Европы становятся все более разительными. На протяжении XVII—XVIII вв. складывается система крепостнических отношений, которую иногда уподобляют «второму изданию крепостничества». Этому предшествовало распространение поместной системы. Оба эти процесса, послужившие укреплению самодержавия, представляют собой явления, полярно противоположные тому разложению феодальной формации, на базе которого возникает европейский абсолютизм.

---

[53] В. И. Ленин, ПСС, т. 2, стр. 108.
[54] Там же, стр. 108—109, 220, 230, 452—454; т. 5, стр. 67; т. 6, стр. 93—128.
[55] Там же, т. 2, стр. 108—109, 452—454; т. 4, стр. 220, 239; т. 5, стр. 67; т. 6, стр. 93, 128, 363—364, 405—406; т. 18, стр. 275—276, 278.
[56] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 369.
[57] В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 273, 274.
[58] Там же, стр. 325—326.

Но если эти явления совершенно неизвестны процессу генезиса абсолютных монархий Европы, то довольно близкие аналогии им мы находим в аграрном строе Турции, где они способствовали укреплению военно-феодального деспотизма. На протяжении XVI столетия в Турции шло закрепощение крестьянства, закончившееся прикреплением крестьян по закону Сулеймана. Турецкие райа и 15—20-летний срок сыска беглых крестьян слишком ярко напоминают русские писцовые книги и указы об урочных летах. Не являются ли «тимары» и «зеаметы» аналогией русским поместьям, «мюльк» — вотчине, «вакф» — формам церковно-монастырского землевладения, а «хассы» — кормлениям? [59] Общие черты аграрного строя определяют, по-видимому, и то сходство в государственном строе и военной организации, которое мы наблюдаем между Россией и Османской империей в XVI в. Это сходство между двумя неограниченными монархиями, одна из которых сложилась в процессе завоевания и создания огромной феодальной империи, а другая — в борьбе с феодальной империей монгольских поработителей, на наш взгляд, гораздо более разительно, нежели сходство Русского централизованного государства с абсолютными монархиями Европы [60].

Автор данной статьи, таким образом, считает, что неограниченная монархия в России складывается в виде «азиатских форм правления» — деспотии — централизованной неограниченной монархии, которая формируется в борьбе с монгольской империей и ее наследниками на базе натурального хозяйства и общинной организации деревни, а затем укрепляется в процессе создания поместной системы, закрепощения крестьянства и перехода к внешней экспансии. Заранее предвидя возможные возражения о наличии элементов сословного представительства в России XVI—XVII вв., скажем, что существование кортесов не мешало К. Марксу оценивать государственный строй Испании как азиатскую форму правления.

Таков исходный пункт эволюции. В том, что самодержавие, в конце концов, эволюционировало в сторону абсолютизма, а позднее и буржуазной монархии, сомнений ни у кого нет. Весь вопрос о том, когда и какими темпами началась эта эволюция. На наш взгляд, переход к абсолютизму начался в конце XVII в., но объяснялся он не только качественными крайне замедленными сдвигами, происходившими в русском обществе, а и внешним фактором. А. Д. Люблинская, подробно изучавшая развитие экономики европейских стран в XVII в., пишет, что в этот период одной из главных задач Голландии, Англии, Франции и Испании «стало овладение внешними рынками, что диктовалось насущными потребностями ранней мануфактуры. Рынки соседних стран представляли самую близкую добычу и — при наличии известных условий — значительные барыши. Подобного рода выгоды приобретались преимущественно в ущерб развитию экономики соседей. Голландцы богатели от эксплуатации Испании и особенно обширного французского рынка, нанося тяжкий урон французской промышленности и торговле и задерживая развитие во Франции капиталистического уклада. Англичане богатели за счет Испании и частично Франции, французы — за счет Испании и отчасти Германии» [61]. Добавим от себя, что англичане и голландцы богатели и за счет России, на что так горько сетует в своих челобитных русское купечество XVII в.

Ответом было появление в экономической политике русского правительства сначала элементов меркантилизма— во второй половине XVII в., потом — реформ Петра, далее — «просвещенного абсолютизма» Екатерины II. Правда, меркантилизм русский существенно отличался от своего французского собрата, русский «просвещенный абсолютизм» был наименее просвещенным из всех известных форм этого явления, но факт перехода самодержавия к политике активной защиты отечественной экономики, а следовательно и суверенитета, неоспорим. Политика такого рода не является характерной только для русского самодержавия. Если меркантилизм охватывает почти все государства Европы, то с «просвещенным аболютизмом» дело обстоит несколько иначе. Н. М. Дружинин высказал мысль о том, что просвещенный абсолютизм является об-

[59] Вспомним, что ни в одном из абсолютистских государств Европы не было почвы для проведения реформ такого типа, как предлагал И. Пересветов, выставлявший в качестве образца государственные порядки Турции, и что ряд реформ в России 50-х годов XVI в. был действительно значительно похож на его прожекты.

[60] Любопытно отметить тот факт, что абсолютная монархия Испании тоже сложилась в процессе борьбы с иноземными завоевателями.

[61] А. Д. Люблинская. Французский абсолютизм в первой трети XVII века, М.— Л., 1965, стр. 337.

щеконтинентальной системой внутренней политики XVIII в.[62] Достаточно повторить приведенный им список стран, которые знали эту систему, как закрадывается сомнение в обоснованности такого утверждения. Прусский король Фридрих II, шведский король Густав III, австрийский император Иосиф II, Аранда в Испании, Помбаль в Португалии, Тануччи в Неаполе, Струендзе в Дании... Разве перед нами весь континент, а не страны, лежащие вокруг наиболее быстро развивавшихся в капиталистическом направлении Голландии, Англии и Франции, страны, которые защищались от их натиска? Государства, которые не пошли по пути такой защиты, постигла печальная участь: одни инкорпорировались в состав более сильных в политическом и военном отношении соседних государств (Польша), другие превращались постепенно в полуколонии (Турция) и просто колонии. Если же согласиться с предложением Н. М. Дружинина, что «просвещенный абсолютизм» был явлением, которое сопутствовало выступлению на политическую арену буржуазии, открыто боровшейся за хозяйственное и политическое господство, и обострению классового антагонизма между крестьянством и дворянством, то какое объяснение можно предложить тогда тому факту, что страны, в которых эти процессы развились наиболее ярко,— Голландия, Англия и Франция — совсем не знали политики «просвещенного абсолютизма?»

Господство крепостничества в России приводило к тому, что здесь развитие товарно-денежных отношений становилось предпосылкой для явлений, по форме напоминавших процессы, происходившие в буржуазных странах, которые, однако, искажались и наполнялись совершенно иным содержанием, порой превращаясь в полярную противоположность европейским образцам. Первый пример — русский меркантилизм. В письме к Н. Даниельсону от 15 марта 1892 года Ф. Энгельс так характеризовал покровительственную систему Кольбера: «... через 20—30 лет стало ясно, что отечественная мануфактурная промышленность при существовавших тогда условиях могла быть создана только за счет крестьянства. Крестьянское натуральное хозяйство было подорвано и вытеснялось денежным хозяйством»[63]. Русский меркантилизм в силу общего засилья феодальных отношений в стране не имел таких глубоких социальных последствий.

Второй пример. Реформа областного управления, проведенная Екатериной II, декларировала принцип разделения властей, но вместо эволюции государственного аппарата в сторону буржуазного гувернаментализма произошло дальнейшее укрепление позиций самодержавия на местах и, как следствие, консервация феодальной системы.

Более того, усиливающиеся экономические и политическое контакты России с европейскими буржуазными странами, как это ни парадоксально, вызвали к жизни такие экономические формы, которые условно можно было бы назвать «тупиковыми»[64]. Наиболее яркой разновидностью их являются крупные барщинные хозяйства товарного характера, которые все шире распространялись в XVIII — начале XIX в. как результат роста хлебного экспорта и развития внутреннего рынка. «Барщинное поместье — лишь один из известных истории типов товарного хозяйства, которое не несет в себе способных к самостоятельному развитию зародышей капитализма, вернее, не образует среды для их развития и оказывает тем самым сопротивление капиталистическому способу производства... Формирование аграрного капитализма становилось возможным после реформы или серии „освободительных реформ"»[65].

Другая разновидность «тупиковых форм» — крепостная мануфактура. Превращение труда работника такой мануфактуры в товар возможно только при условии отмены крепостного права, а без этого увеличение товарности влечет за собой лишь расширение сферы феодальных отношений. Исследуя развитие металлургической промышленности в первой половине XVIII в., Н. И. Павленко пришел к выводу, что растущий

---

[62] Н. М. Дружинин. Просвещенный абсолютизм в России. «Абсолютизм в России», стр. 428—429.

[63] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 447.

[64] Условность этого термина состоит в том, что перечисленные ниже явления в развитии сельского хозяйства и промышленности хотя и не несли в себе зародыша буржуазных отношений, однако обеспечили на довольно продолжительный срок рост производства в стране.

[65] З. К. Янель. О некоторых вопросах «второго издания» крепостного права и социально-экономического развития барщинного поместья в России. «Исторические записки», М., 1965, т. 78, стр. 177.

экспорт русского железа на рынки Англии и Голландии вызывал разрыв между рынком труда и темпами развития промышленности [66]. На уральских заводах это противоречие разрешалось путем приписки крестьян и использования других форм принудительного труда. Как известно, в результате развития мануфактурного производства в Уральском металлургическом районе почти исчезло черное крестьянство в Приуралье и бассейне Камы. Кроме численного увеличения феодально-эксплуатируемого населения, развитие мануфактуры, при условии сохранения господства крепостнических отношений, давало возможность помещику интенсифицировать эксплуатацию крестьянина-оброчника.

Третьей тупиковой формой в развитии экономики России XVIII в. являлись докапиталистические банки. При их посредстве чрезвычайно интенсивно возраставшие в конце XVIII — начале XIX в. денежные капиталы в подавляющей части направлялись на укрепление старой формации, ее базиса — феодально-крепостнической собственности и ее надстройки — крепостнического самодержавия. В отличие от поземельного кредита Пруссии, организованного в виде ссуд, выдаваемых ипотечными банками местных организаций юнкерства на действительные потребности и хозяйственно необходимые сроки, поземельный кредит России служил обогащению и расширению паразитического потребления крепостников, носил характер целенаправленного фаворитизма и способствовал непроизводительной растрате денежных капиталов страны. В условиях сохранения исключительного права дворянства на землевладение функционирование банков вело не к разложению феодальной формации, а лишь к перераспределению земель и ренты в пределах класса феодалов [67].

Наличие в экономике России этих «тупиковых форм» обусловило, видимо, особенно активную роль надстройки в XVIII в. Во время Северной, а затем Семилетней войн Россия оказалась прочно втянутой в полосу «торговых войн» — сложную систему острейших противоречий между капиталистическими странами Европы. Сохранение национальной независимости в этой обстановке было возможно лишь при условии проведения серьезных реформ. Полумеры, на которые отважился Алексей Михайлович, например, в условиях Северной войны, не могли бы спасти положения. Ускоренное строительство мануфактур, создание постоянной армии, реформа государственного аппарата были ответом на усиливающийся натиск капиталистической Европы. Самодержавие вынуждено было форсировать промышленное развитие страны и тем самым способствовать усилению элементов, которые позднее консолидируются в класс буржуа. Вместе с этим самодержавие заметно эволюционировало от старых «азиатских форм правления» к абсолютизму, сохраняя, впрочем, заметные черты деспотизма, поскольку сохранялось общинное устройство деревни и в значительной степени натуральное хозяйство. Эта эволюция становилась заметнее по мере того, как менялось соотношение общественных сил в стране в пользу буржуазных элементов. Однако к тому времени, когда силы буржуазии и дворянства в начале XX в. уравнялись, общественные противоречия в стране были уже настолько обострены, что относительная самостоятельность самодержавия стала приобретать отчетливые черты не старо-европейского абсолютизма, а бонапартизма.

Эволюция русского самодержавия в сторону абсолютизма, начавшаяся в конце XVII—XVIII вв., по своим темпам оказалась очень замедленной. Очевидно, это объясняется тем, что вплоть до отмены крепостного права самодержавие не затрагивало основ крепостнических отношений. «Тупиковые формы» продолжали существовать, и это приводило к тому, что последствия реформ XVIII в. постепенно «выравнивались» и отставание России от капиталистических стран Запада росло. Преодоленное в какой-то степени в результате преобразований первой четверти XVIII в. оно стало снова увеличиваться после промышленного переворота в Европе.

---

[66] Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века, М., 1953, стр. 293.

[67] И. Ф. Гиндин. Докапиталистические банки в России и их влияние на помещичье землевладение. Сб. «Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки», стр. 321—356; С. Я. Боровой. Кредит и банки России (середина XVII в.— 1861 г.), М., 1958. См. также перечисленные в предисловии к этой книге статьи автора.